

И.В. Моклецова

**МЕМУАРНОЕ НАСЛЕДИЕ Я.П. ПОЛОНСКОГО
В КОНТЕКСТЕ РОМАНТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ 1820–1840-х ГОДОВ ¹**

Мемуарное наследие Я.П. Полонского рассматривается в статье как часть русской романтической литературной традиции, что позволяет выявить особенности прозаического наследия поэта. Написанные на закате жизни, эти произведения стали достоянием русской культуры сразу, как только вышли в свет. Особое значение мемуаристика Полонского получила в связи с именами выдающихся деятелей русской литературы, с которыми автор поддерживал личные отношения. Среди них выделяется фигура И.С. Тургенева. Воспоминания о детстве и юности, начале личностного становления писателя, его сердечные и поэтические увлечения дополняются точными и верными характеристиками 1820–1840-х годов. Для создания образа ушедшей эпохи Я.П. Полонский прибегает к тем художественным средствам и приемам, которые были выработаны романтиками и получили дальнейшее усвоение в русской литературе XIX века. Приверженность жанру отрывка (фрагмента), сильное лирическое начало, обрывочность сюжета, мозаичность нарисованной картины жизни, стилистика недосказанности – все это позволяет автору воспроизвести реальность в ее художественном отражении с опорой на достижения романтизма, который достиг своего расцвета именно в описываемую эпоху. Воспоминания Я.П. Полонского, таким образом, стали и богатейшим источником по романтизму, и своеобразным образцом романтической мемуарной прозы.

русская литература, Я.П. Полонский, романтизм, проза, мемуаристика.

В качестве мемуариста Я.П. Полонский обнаруживает себя в 1876 году, опубликовав небольшой рассказ анекдотического свойства «Мой дядя и кое-что из его рассказов» ². После кончины И.С. Тургенева он осуществил еще один мемуарный замысел, который позволил рассказать о многолетней дружбе с великим русским писателем, добрым и великодушным человеком. В данной работе особое внимание уделено воспоминаниям поэта о начале своей сознательной жизни и вхождении в мир взрослых.

Я.П. Полонский начал писать автобиографические воспоминания в конце 1880-х годов, закончив их незадолго до смерти (скончался он 18 (30) октября 1898 года в возрасте 78 лет). Воспоминания можно разделить хронологически на три периода, вероятно, они так и задумывались автором. Первая часть называется «Старина и мое детство», она освещает 1820-е годы, проведенные в семье родителей в Рязани; вторая часть – «Школьные годы (начало обучения грамоте и гимназия)» – раскрывает события 1830-х годов обучения в Рязани, третья часть – «Мои студенческие воспоминания» – относит читателя к концу 1830-х – первой половине 1840-х годов, периоду обучения на юридическом факультете Московского Императорского университета.

Пунктирность воспоминаний, их мозаичность создают красочную завершенную картину детства и юности Полонского, раскрывают жизнь родительской семьи (ч. 1), а также отражают разнообразие его литературных и дружеских контактов в период личностного и творческого становления во время учебы в Московском университете (ч. 2).

Я.П. Полонский выбирает именно начало своей жизни и деятельности, совпадающий с романтическим периодом в развитии русской литературы, хотя, прожив длинную жизнь, никогда не исчезал из литературного процесса и уходил в вечность, соприкасаясь с совершенно новыми авторами, о чем свидетельствует его дружба с А.П. Чеховым. Такой выбор неслучаен: автор вспоминает о самой дорогой для него пушкинской эпохе, с которой он непосредственно соприкоснулся живым общением с людьми, для которых лучшие представители русской словесности – в первую очередь сам Пушкин – были современниками. Золотой век русской поэзии предопределил творческие поиски Полонского и оплодотворил его поэтические достижения. Этим и объясняется хронологический выбор мемуариста, а также жанровое своеобразие мемуаров, мощное воздействие лирического поэтического начала, присущего романтической прозе.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект 17-04-00501а «Литературное наследие Я.П. Полонского: исследование и комментарий» на 2017 год.

² Русский архив. 1876. № 1.

«Среди жанров и жанровых разновидностей “малой” прозы наименее изучена на сегодняшний день форма “отрывка” (или “фрагмента”). В работах по теории литературы эти два термина иногда разводятся: под отрывком понимают особый жанр поэтического высказывания, под фрагментом – маргинальную жанровую форму малой прозы»³. Следует также отметить, что «фрагмент» как жанровая форма присущ романтическому творческому методу, призванному передать глубинный духовно-интеллектуальный творческий процесс, поэтико-экстатические состояния и эмоциональные переживания автора и лирического героя, эстетически выразить сложность жизненных явлений в их многомерной глубине.

Стилистика недосказанности, прерывистости, обрывочности дает возможность мемуаристу придать своему произведению ореол правдивости наподобие открывшегося окна, позволившего услышать что-то сокровенное, происходящее в доме или комнате. Слезы радости или горя, объяснения в любви или стоны жертвы вмиг прерываются с захлопыванием створок, и вновь воцаряется безмолвный покой, под покровом которого продолжается таинственное движение жизни. Эти ощущения наиболее отчетливо сформулированы в стихотворении Ф.И. Тютчева “Silentium!” («Молчи, скрывайся и тай...», (1829), начало 1830-х гг.). Написанные на закате жизни воспоминания Полонского в большей мере соответствуют тому ощущению, которое доносит до нас поэзия и проза зрелого русского романтизма. Мемуары призваны воспроизвести и голос эпохи, и голос безвозвратно ушедшей молодости, события которой возрождаются в памяти повествователя.

Каждый автор задумывает свои воспоминания, порой долго их вынашивает, выписывает и лишь по прошествии времени открывает публике от своего имени. Мемуаристике, как и другим художественным текстам, присущи определенные свойства, характерные именно для данного писателя: стилистическая манера, система образов, которая соотносится с его художественными произведениями. Разумеется, композиция персонажей мемуаров также свидетельствует об определенном авторском замысле. Другими словами, при разборе мемуарных произведений правомочны те подходы и приемы, которые мы используем при литературоведческом анализе.

В настоящее время воспоминания Я.П. Полонского рассматриваются в филологической науке как достоверный и весьма ценный документ для изучения эпохи 1820–1840-х годов, свидетелем и участником которой он был. Как мемуарист поэт состоялся, его воспоминания миновала печальная судьба записок и дневников О.С. Смирновой-Россет, которые то возникают, то исчезают из исследовательского обихода⁴.

Мемуары становятся приметой времени в конце XIX века и обретают отличное от прежнего звучание в творчестве известного русского поэта В.А. Жуковского, благодаря которому само понятие «память» «в эстетическом сознании эпохи прочно утвердилось как категория нравственная. По словам поэта, “воспоминание есть... двойник нашей совести”. Поэт выработает оригинальную философию воспоминаний и образно назовет ее “философией фонарей”: “Я когда-то сказал: счастье жизни состоит не из отдельных наслаждений, но из наслаждений с воспоминанием, и эти наслаждения сравнивал я с фонарями, зажженными ночью на улице: они разделены промежутками, но эти промежутки освещены, и вся улица светла, хотя не вся составлена из света. Так и счастье жизни! Наслаждение – фонарь, зажженный на дороге жизни; воспоминание – свет, а счастье – ряд этих фонарей, этих прекрасных, светлых воспоминаний, которые всю жизнь озаряют”»⁵.

Благодаря целенаправленным усилиям Жуковского-мемуариста и его единомышленников до нас дошли ценнейшие свидетельства о жизни великих людей, например А.С. Пушкина. «Записки» Полонского по-своему воспроизводят атмосферу пушкинской эпохи, оказываясь созвучными одному из самых известных произведений позднего Пушкина – повести «Капитанская дочка», представляющей собой обращение героя к годам юности и воспроизводящей национальную русскую жизнь во всей ее многомерности и глубине (что заставляет ученых периодически возвращаться к обсуждению вопроса о ее жанровой принадлежности к роману).

Воспоминания Я.П. Полонского своим жанровым своеобразием также позволяют обратиться к памяти как к одному из способов сохранения культурного наследия в словесности, автор обращается к прозе, которая прячется в тени его подлинного дарования лирического поэта. В его мемуаристике сильное лирическое начало не затемняет достоверность. Наоборот, особое

³ Гордиенко А.М. Жанровая форма «отрывка» в прозе русской эмиграции первой волны // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. I : Гуманитарные науки. С. 238.

⁴ Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М. : Наука, 1989.

⁵ Моклецова И.В. Духовные традиции русской культуры и литературы. М. : Изд-во МГУ, 2011. С. 102–103.

значение для читателя имеет доверительный возвышенный тон повествования, воскрешающий на фоне сцен семейного быта русского дворянства трепетные образы рано умершей матери, к которой автор был невероятно привязан, родни, соучеников и сокурсников. Полонский для создания полномасштабной картины русской провинции рубежа веков довольствовался малым объемом воспоминаний, в чем сказался не только его талант, но и многолетний поэтический опыт.

Исследователи советского времени (Э.А. Полоцкая, И.Б. Мушина и др.) по-своему расставляли акценты в воспоминаниях Я.П. Полонского с учетом требований, предъявляемых к переизданию русской дореволюционной классики, высказывая «недовольство» некоторыми действующими лицами ушедшего времени и выдвигая на первый план то, что у автора проходит на задних планах, например, тема декабрьского выступления на Сенатской площади. При всем этом ими дана весьма высокая оценка мемуарного наследия Полонского, которое характеризуется как «богатый познавательный материал для воссоздания быта и нравов провинциальной России десятих – двадцатых годов XIX столетия»⁶, «правдивые и честные воспоминания, на которых лежит печать его индивидуальности, его души, его особой, пристальной наблюдательности – зоркого взгляда поэта и художника»⁷. Э.А. Полоцкая основное внимание уделяет воспоминаниям об И.С. Тургеневе, хотя не отрицает и вклад Я.П. Полонского в мемуаристику XIX века.

Для И.Б. Мушиной наибольший интерес представляет первая часть воспоминаний, относящаяся к детскому периоду и повествующая о предках поэта. Особо колоритной, считает комментатор, получился образ бабушки – незаконнорожденной дочери одного из вельмож екатерининского времени графа Разумовского, живой «непередаваемый оттиск XVIII века»⁸. Для истории XIX века интересны сведения об А. Фете и А. Григорьеве, славянофилах, посетителях салона Елагиных-Киреевских, кружка Станкевича, артистах Малого театра. Особо прокомментирована краткость сведений о встречах Я.П. Полонского с московской знатью, в частности с семьей гр. М.Ф. Орлова, о чьем декабристском прошлом «еще нельзя было писать»⁹. Такого рода замечания вызывают немалое сомнение в их содержательности и отдают данью советской традиции воспевания декабристов. Император Николай Павлович пощадил М.Ф. Орлова благодаря заступничеству брата А.Ф. Орлова, преданного государю человека. В письмах А.С. Пушкина 1830-х годов высказывается нежелание общаться со старыми приятелями, среди которых можно найти Михаила Орлова. Но знаменательным, на наш взгляд, является оценка поэта, данная этой личности в знаменитом письме к П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года, посвященном анализу первого философического письма последнего: «Если увидите Орлова и Раевского, передайте им поклон. Что говорят они о Вашем письме, они, столь посредственные христиане?»¹⁰.

Эволюция взглядов А.С. Пушкина на прошлое и современное положение дел в Российской империи, на русскую культуру и на русский народ как наиболее полноценный ее выразитель несомненна. Изображение фигуры М.Ф. Орлова, который входил в Москве 1830-х годов в круг общения Чаадаева и образ которого возникает в мемуарах Полонского, позволяет ощутить поиски молодого поэта, высказывавшего на протяжении своей творческой биографии идеи, созвучные идеям «позднего» Пушкина. В воспоминаниях Я.П. Полонский называл сына М.Ф. Орлова Николая (1822–1886) «добрым малым», который отличался бестактностью и часто оскорблял юного провинциала. Эта тема получила развитие в лирике, в частности, в поэме «Свежее преданье» (1862), где можно встретить отголосок событий московской жизни 1840-х годов. С высшим обществом равноценных отношений у Полонского не сложилось, ему пришлось служить в аристократических семьях гувернером и немало претерпеть на этом поприще.

Опубликованные спустя месяц после смерти поэта его студенческие воспоминания обнаружили в небольшом редакционном пояснении то главное содержание критики XIX века, которая любила Полонского не за то, что он имел случай общаться с декабристами. Созданные им описания русской действительности эпохи романтизма «доставляют то высокое удовлетворение, которое испытывает человек, когда вступает в общение с идеально настроенною душою: чувством доброты и человечности, задушевностью и благородством стремлений, которыми проникнуты стихотворения покойного поэта, веет и от каждой строки его прекрасных воспоминаний»¹¹.

⁶ Полонский Я.П. Сочинения : в 2 т. / сост., примеч. И.Б. Мушиной. Т. 2 : Признания Сергея Чапыгина. Женильба Атуева. Воспоминания. М. : Худож. лит., 1986. С. 455.

⁷ Полонский Я.П. Проза / сост., вступ. ст., примеч. Э.А. Полоцкой. М. : Сов. Россия, 1988. С. 5.

⁸ Полонский Я.П. Сочинения. С. 455.

⁹ Полонский Я.П. Сочинения. С. 455.

¹⁰ Цит. по: Пушкин А.С. Собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1959–1962. Т. 10 : Письма 1831–1837 гг.

¹¹ Полонский Я.П. Сочинения. Т. 2. С. 457–458.

В мемуарах Я.П. Полонский возвращается к истокам своей жизни и творчества, совпавшим с развитием романтической традиции в русской литературе и культуре. Особое трепетное отношение к жизни в юности и прозрение умудренного опытом человека писатель успешно сочетает в данных произведениях, воспроизведя романтическое обращение к теме «памяти». Идеализация действительности, обнаруживаемая в повествовании, позволяет не только выразить любовь автора к прошлому своей семьи и своего народа, но и раскрыть внутренний мир героя воспоминаний, наделенного автобиографическими чертами, позволяющий создать образ чистой души вступающего в мир юного человека. Написанные на закате жизни воспоминания Я.П. Полонского воспроизводят пушкинскую эпоху, тесно связанную с романтической эстетикой в русской литературе и культуре.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полонский, Я.П. Мой дядя и кое-что из его рассказов [Текст] // Русский архив. – 1876. – № 1.
2. Полонский, Я.П. Проза [Текст] / сост., вступ. ст., примеч. Э.А. Полоцкой. – М. : Сов. Россия, 1988.
3. Полонский, Я.П. Сочинения [Текст] : в 2 т. / сост., примеч. И.Б. Мушиной. – Т. 2 : Признания Сергея Чаплыгина. Женитьба Атуева. Воспоминания. – М. : Худож. лит., 1986.
4. Пушкин, А.С. Собр. соч. [Текст] : в 10 т. – М. : ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 10 : Письма 1831–1837 гг.
5. Смирнова-Россет, А.О. Дневник. Воспоминания [Текст]. – М. : Наука, 1989.
6. Гордиенко, А.М. Жанровая форма «отрывка» в прозе русской эмиграции первой волны [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 2. – Т. I : Гуманитарные науки. – С. 238–242.
7. Лейбов, Р. «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст [Текст]. – Тарту, 2000.
8. Моклецова, И.В. Духовные традиции русской культуры и литературы [Текст]. – М. : Изд-во МГУ, 2011.
9. Краткая литературная энциклопедия [Текст] / гл. ред. А.А. Сурков. – М. : Советская энциклопедия, 1968. – Т. 5. – С. 850–852.
10. Русские писатели: 1800–1917 [Текст] : биогр. слов. / гл. ред. П.А. Николаев. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2007. – Т. 5. – С. 53–59.

REFERENCES

1. Polonskii, Ya.P. Moi dyadya i кое-что iz ego rasskazov [Text] // Rysskii arhiv. – 1876. – N 1.
2. Polonskii, Ya.P. Proza [Text] / sost., vstyp. st., primech. E.A. Polockoi. – M. : Sov. Rossiya, 1988.
3. Polonskii, Ya.P. Sochineniya [Text] : v 2 t. / sost., primech. I.B. Myshinoi. – T. 2 : Priznaniya Sergeya Chaplygina. Jenitba Atyeva. Vospominaniya. – M. : Hydoj. lit., 1986.
4. Pyshkin, A.S. Sobr. soch. [Text] : v 10 t. – M. : GIHL, 1959–1962. – T. 10 : Pisma 1831–1837 gg.
5. Smirnova-Rosset, A.O. Dnevnik. Vospominaniya [Text]. – M. : Nayka, 1989.
6. Gordienko, A.M. Janrovaya forma “otrivka” v proze rysskoi emigracii pervoi volni [Text] // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. – 2011. – N 2. – T. I : Gymanitarnie nayki. – S. 238–242.
7. Leibov, R. “Liricheskii fragment” Tutcheva: janr i kontext [Text]. – Tarty, 2000.
8. Moklecova, I.V. Dyhovnie tradicii rysskoi klytyri i literatyri [Text]. – M. : Izd-vo MGY, 2011.
9. Kratkaya literatyrnaya enciklopediya [Text] / gl. red. A.A. Syrkov. – M. : Sovetskaya enciklopediya, 1968. – T. 5. – S. 850–852.
10. Rysskie pisateli: 1800–1917 [Text] : biogr. slov. / gl. red. P.A. Nikolaev. – M. : Bolshaya Rossiiskaya enciklopediya, 2007. – T. 5. – S. 53–59.

I.V. Mokletsova

J.P. POLONSKY'S MEMOIRS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN ROMANTICISM IN THE 1820s–1840s

The paper treats J.P. Polonsky's memoirs as a part of Russian romanticism, which highlights the peculiarities of the poet's prosaic works. These memoirs written by J.P. Polonsky at the end of his life were treated as Russian literary heritage immediately after their publication. J.P. Polonsky's memoirs are of significant value because they contain names of outstanding writers and poets who were personally acquainted with J.P. Polonsky (I.S. Turgenev, for example). J.P. Polonsky's reminiscences of his childhood, the beginning of his literary career, his infatuations and his poetic taste are accompanied by true and precise characterization of the 1820s and 1840s. To

create the image of the leaving epoch, J.P. Polonsky employs literary devices developed by representatives of romanticism in the 19th century. By using fragmentary narration, powerful lyrical voice, interrupted plot, mosaic character of life, the author manages to recreate the reality through the prism of romanticism. J.P. Polonsky's memoirs supply plenty information about the reality of romanticism and a sample of romantic memoirs

Russian literature, J.P. Polonsky, romanticism, prose, memoirs.